

- Месье Карден, в России многие уверены, что вы немножко русский.

- Как это - немножко?

- Ну не совсем, но ваши папа с мамой бежали из Одессы от большевиков куда-то в Европу.

- Мои родители итальянцы. Еще точнее: родом из Венеции. Ни капли русской крови, увы, нет.

- Почему «увы»?

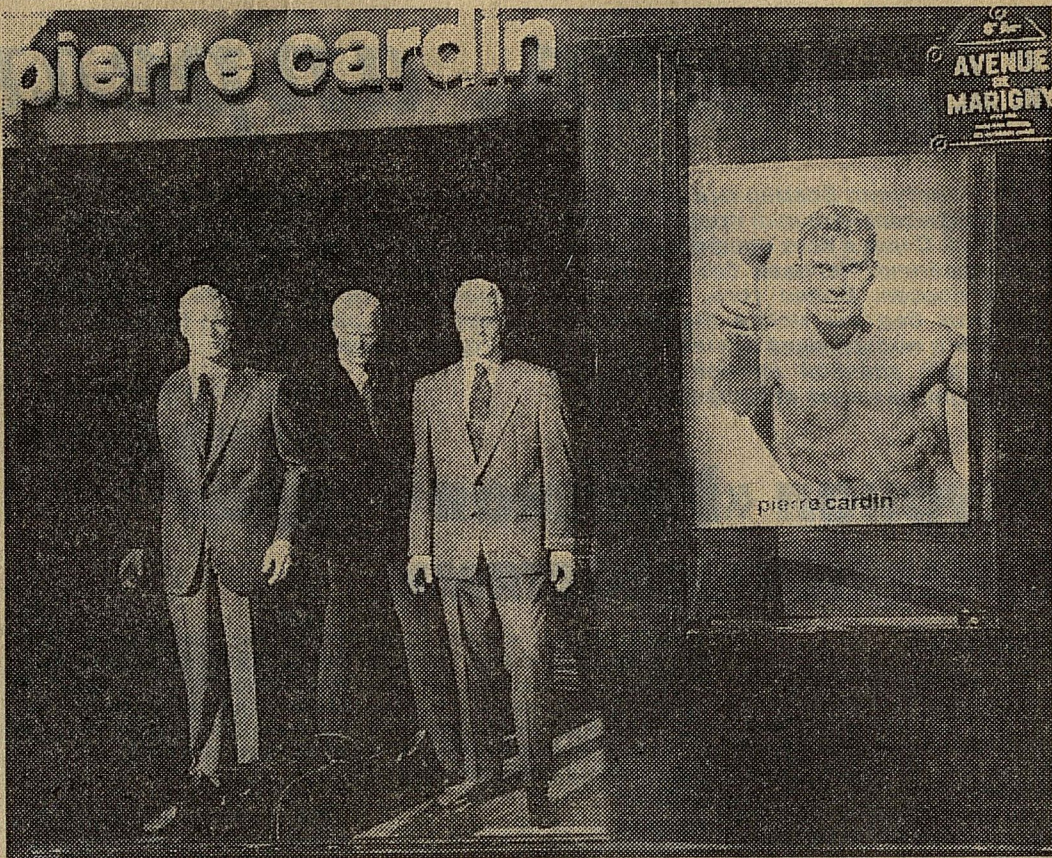
- Люблю Россию. Кстати, вчера я давал прием в честь моей любимой балерины Майи Плисецкой, и он закончился в три утра. Она танцевала божественно - как всегда.

- Некоторые считают, что танцевать ей теперь не так легко.

- Объясните этим, что у гениев нет возраста. Майя столько недополучила при Советах. Я помогаю и буду помогать ей со спектаклями и концертами. Как можно больше людей должны успеть увидеть неповторимое.

- Знаете, месье Карден, вас я увидел впервые лет 20 назад. Мы живем по соседству с Плисецкой, и вы заблудились в нашем пыльном дворе, разыскивая ее квартиру. В руках - невообразимый букет роз, а одеты вы были приблизительно как и сегодня: синий блейзер, серые брюки. Это ваш стиль?

- Блейзер цвета морской волны - действительно классика. Я

Париж, авеню Марини, дом 27, - это как раз напротив резиденции Президента Французской Республики. Здесь - сердце Империи Пьера Кардена.

Пьер Карден примерил маечку от «Комсомолки»

Комсом. правда, - 1997, - 1 апр. - с. 7

Он всемирно известный и самый богатый портной мира. Король моды был предельно откровенен с «КП». Запретных тем в беседе с нашим спецкором не существовало

уже не молодой человек лет 30 - 50, а классик. Экстравагантности мне хватало в молодости. Посмотрели бы вы тогда на мои наряды! Я напоминал, как это словечко, скинхед. А сейчас, уважая свой возраст, - или синий костюм, или блейзер с сероватыми брюками.

- Вы всегда одеваетесь только в вещи от Кардена? А возможен ли галстук от Диора?

- Зачем мне Диор? Я сам выпускаю сотни тысяч отличных галстуков, мог бы опоясать ими весь мир. Нет, я одеваюсь только от Кардена.

- Слышал расхожее: солнце в Империи Пьера Кардена никогда не заходит. На вас трудятся десятки тысяч людей в сотне стран. По вашим лицензиям выпускаются миллионы изделий - от духов и платочков до драгоценных платьев...

- Вас не обманули.

- ...и что вы входите в десятку наиболее богатых людей совсем не бедной Франции под девятым номером.

- Люди иногда болтают неизвестно что. Знаете, в чем мое богатство? Я могу вкладывать деньги в новое. Испыгивать, расширяться. Кстати, я прикупил местечко рядом с моим рестораном «Максим» в центре Парижа. Мой интерес не в деньгах самих по себе. Я в них нуждаюсь, чтобы иметь возможность творить - и не только одежду. Не принимайте меня за денежный мешок: не люблю считать купюры.

- Но поговаривают, будто даже пачка туалетной бумаги не может быть приобретена без вашей подписи на чеке. А ваши служащие приучены: единственный и повластный хозяин вы. Они сосредоточены от одной мысли о вашем уходе.

- У меня в Париже работают около четырех тысяч человек. И за 40 лет они ко мне привыкли. Меня здесь почитают за незаменимого дедушку, который в этом Доме старший. Строил свою огромную фирму по кирпичику. Фундамент - это финансы. Вот обширный этаж - он зовется творчеством. Загляните на чердачок: там расходы. Да, я хозяин, шеф, патрон. И еще одновременно создатель, вдохновитель, утешитель и, конечно, кутюрье. Я виноват, что меня любят?

- Я не о том.

- Когда впервые приехал к вам, еще в СССР, на Кубу, в Китай..., сразу попал под подозрение: ага, капиталист. Но, познакомившись, увидели во мне трудягу. Не признаю всей этой политики, деления на классы. Есть один Бог, в которого верю, - работа. Сегодня в три часа утра распроштался с гостями - прием в честь Майи был неплох, а в семь - здесь, успел набросать пару рисунков.

Несмотря на явную нелюбовь Кардена к другим фирмам, я попросил Мастера позировать с маечкой с эмблемой «Комсомолки». Вежливый хозяин согласился, но, внимательно разглядев скромный сувенир, укоризненно заметил: «А почему «сделано в Китае»? Уж маечку могли бы сшить и в Москве».

- И так каждый день?

- Бывает, разрешаю себе восторгаться, даже субботы. Но, и отдыхая, вылавливаю минутку-другую на мое дело.

- Как хватает сил? Наверное, спорт помогает?

- Никакого спорта. Иногда летом немножко плаваю. В молодости катался на лыжах. В мои «за 70» на это времени не хватает. Да и переход от отдыха к концентрации отнимает немало сил. Мне их надо беречь.

- Вы - кутюрье, создатель духов, владелец театра и легендарного «Максима», посол ЮНЕСКО и прочее, прочее, прочее... Как удается держать всю эту машину в полном порядке?

- Опыт, желание, работоспособность. Моя учеба - плавный подъем по всем лестницам, которые ведут наверх. Некоторым это дается с пеленок. Младенец только вылезает на свет, а у него уже большое имя. У меня - не так. В войну я был бухгалтером во французской армии. Понято, почему я хорошо считаю? Потом попал администратором в театр, заправлял в отеле.

- И вы гордитесь, что «сделали себя сами»?

- Звучит не по-европейски. Я бы сказал, что горжусь своей дорогой от студента, изучающего искусство моды, до Пьера Кардена.

- И наивысшее достижение этого господина?

- Он первым из кутюрье стал академиком Французской Академии.

- И все-таки кто вы - творец или бизнесмен-везунчик?

- Удачное и редкое сочетание и того, и другого. Но больше все же творец. К тому же в искусстве Высокой моды мне очень помогает бухгалтерская точность. И еще практика, руки, опыт.

- Месье Карден, я позволю себе плавно перейти к искусству Высокой моды, ибо оно тоже волнует наших читателей и, естественно, читателей.

- Почему бы и нет? Итак, отвечаю на вопрос о длине юбок.

Хорошие молодые ноги достойны короткой юбки. Но я люблю и длину - она у меня прозрачная, изящная. Для меня основное, чтобы в моде был виден силуэт.

- Вас не смущает чрезмерная откровенность ваших коллег-кутюрье: обнаженные груди, юбочки до пупочка. Я не ханжа, но...

- Милый, да поймите же, что в моде должно быть немножко провокации. В хорошем смысле. Куда без нее?

- А почему вы больше не участвуете в дефиле?

- Я участвовал в них 28 лет подряд. Первым сделал из показа мод большой спектакль - дефиле шли под музыку в моем театре. Но сейчас я как бы вернулся назад: показал публике все свои коллекции, собранные за несколько десятилетий. Жаль, но сейчас в моде не все так чисто, как раньше. Я годами вкладываю всего себя в мое и только мое платье. А через неделю вижу почти точную копию - и не только фасона, даже красок, иг-

ры света. Кажется, техника и конкуренция зашли слишком далеко. Поэтому модели от кутюр предлагаю лишь верным клиентам.

- Супругам президентов - Ширака и Помпиду, французским кинозвездам?

- Не только французским. Кого только из артисток я не одевал. Почему-то больше других запомнились Грета Гарбо, Барбра Стрейзанд. А сейчас вдруг вновь вспомнили об Эвите Перон - я шил для нее еще в 1948-м.

- Не могли бы напоследок - о тенденциях сегодняшней моды, о цветах этого сезона?

- Я всегда был против того, чтобы вся улица шла, вырядившись в один черный или красный цвет. И спорю с теми, кто пытается в начале каждого сезона навязать публике какой-то единый оттенок.

- И все-таки есть же в моде какие-то закономерности?

- Тут мы зависим не только от изгибов творческой энергии кутюрье. Вам не кажется, что даже природа меняется? Воздух - и тот становится иным. На Земле - с каждым годом теплее, в Париже - жарче. Хотя по-прежнему в моде меха, но даже шубы теперь шьют более легкие. Или вы же не будете спорить с тем, что многие люди чаще всего передвигаются на автомобилях. Мода приспосабливается и к этому, выдавая соответствующие фасоны. Решусь предсказать: уже в ближайшем будущем мода перестанет быть детищем одних лишь создателей-кутюрье. Нам трудиться с исследователями, математиками, быть может, с философами.

- Месье Карден, до меня дошла печальная весть. Неужели вы действительно собираетесь расстаться со своим Домом высокой моды, продать его?

- Мне 73 года. Дом на все 100 процентов мой. Да, я хотел бы его продать. Но кому?

- А вы не женаты - дети, ближайшие родственники?

- У меня нет семьи. Живу в небольшой квартирке неподалеку отсюда вместе со старшей сестрой. Все мои остальные родственники - третьестепенной близости. Я бы мог продать мой дом и продолжать в нем работать. Ведь его все равно продадут после моей смерти. Так уж лучше совершить этот акт не кому-нибудь, а мне. Имею я такое право? Старей, и этого не останавлишь. А что будет делать мой преемник? Как я мечтаю успеть с ним поработать!

Беседу вел
Николай ДОЛГОПОЛОВ.
(Наш спец. корр.).
Фото автора.

Париж.